
Софи Сорель
НОКТЮРН
ЛЬДА
И
КЛАВИШ

Софи Сорель

Ноктюрн льда и клавиш

«Автор»
2026

Сорель С.

Ноктюрн льда и клавиш / С. Сорель — «Автор», 2026

Назар Елизаров — подающий большие надежды хоккеист. В первом матче за сборную он получает травму и на долгие месяцы выбывает из спорта. Назара раздражает стремление родителей вынудить его забыть про хоккей и начать работать в фирме отца. А еще больше его раздражают звуки неумелой игры на пианино, которые ежедневно доносятся из соседней квартиры. Взбешенный Назар решает высказать соседу все, что думает, но дверь ему открывает милая девушка, похожая на бельчонка. У Юли Белкиной своя, не менее трудная история борьбы, побед и поражений. Эти двое либо полюбят друг друга, либо возненавидят до гробовой доски

© Сорель С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 23
Глава 9 25
Глава 10 28
Глава 11 31
Глава 12 33
Глава 13 35
Глава 14 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Софи Сорель
Ноктюрн льда и клавиш

Глава 1

Назар

«Ох какой удар клюшкой нанёс Пранек Елизарову. Может быть травма. Но кажется, ничего страшного, Елизаров снова рвётся в атаку. Получает шайбу. Ему наперерез несётся Живов... Столкновение. Ой как неудачно падает Живов... Но что это? Господи! Откуда столько крови. Елизаров держится за шею... Кажется, при падении Живов задел Елизарова лезвием конька. Боже, он весь истекает кровью. Рана открытая. Слишком много крови на льду. Что у Елизарова с шеей? Он подъезжает к скамейке запасных. Кажется, Елизаров теряет сознание...»

Но сознание я не теряю. Я все ещё с силой зажимаю крагой открытую рану на шее, откуда кровь бьет фонтаном. Вокруг все шумят, кричат, а для меня все звуки сливаются в однообразный гул.

В следующее мгновение мужчина в белом халате с силой давит мне на горло, и я хриплю:

— Я сейчас задохнусь. Не давите так. Мне нечем дышать. — Но он, кажется, не понимает моих слов.

Резко наступает темнота, а в себя я прихожу уже в светлой палате. Я машинально кладу руку на шею — крови больше нет. Пытаюсь пошевелиться, поменять положение тела, но правой ноге что-то мешает, как будто её заковали в кандалы. Надо бы сесть, взглянуть, что там. В ушах все шумит и на виски давит. Сил совсем нет.

От окна ко мне метнулась какая-то тень. Мама. Я и не заметил сразу, что в палате кто-то есть.

— Назар, господи! Очнулся! — всхлипывает она и жмёт на кнопку в изголовье кровати.

Тут же входит медсестра. Мама истерично кричит:

— Очнулся! Зовите скорее доктора.

И вот в помещении уже целая толпа.

— Ну что, все отлично, — констатирует врач после осмотра. — До свадьбы, как говорится, заживет, — улыбается он.

— Скажите, — прерываю я радостные возгласы матери, тети Вали, сестры Аньки и ещё дюжины незнакомых мне людей, — когда я смогу выйти на лёд?

В палате резко повисает тишина.

— На какой лёд, Назар, — всхлипывает мама. — Ты чуть не умер.

— Я не собираюсь пропускать чемпионат из-за какой-то пустяковой травмы, — огрызаюсь я.

— Молодой человек, — строго говорит врач, — вам коньком перерезало сонную артерию. Вы потеряли два литра крови. Вам вообще повезло, что вы выжили...

— Но выжил же! Я хочу на лёд! — Я даже приподнимаюсь на локтях, садясь в больничной койке, и тут же замираю, уставившись на свою правую ногу: от бедра и до пятки она закована в гипс.

— Что за фигня? — Я поднимаю глаза на окружающих и первым ловлю взгляд Аньки.

Сестра пожимает плечами и смотрит на меня грустными глазами.

— Вам перерезало сонную артерию, — повторяет врач.

— Что с ногой? — перебиваю его я.

— Перелом большой берцовой кости. — И я тут же вспоминаю, как придурок Пранек долбанул по ней со всей дури клюшкой и как её тут же пронзила боль.

— Сколько будет заживать? — спрашиваю я, с ужасом осознавая, как моя мечта буквально ускользает от меня по тонкому льду.

— Перелом сложный, но обошлись без операции, однако срастаться будет долго...

— Сколько? — рявкаю я.

— В лучшем случае четыре месяца, но к тренировкам не рассчитывайте вернуться раньше чем через полгода.

Я в отчаянии падаю на подушки и закрываю глаза. Четыре месяца. К тому времени не то что чемпионат закончится, к тому времени закончится все.

— Сынок, — говорит мама, — не переживай. Главное — ты жив. Ничего, время пройдёт, нога заживет и вернёшься к своим клюшкам и шайбам...

— Пошли вон! — рявкнул я. — Все пошли вон!

Клюшки и шайбы. Для матери хоккей всегда был лишь набором клюшек, шайб, краг и шлемов. А для меня он — вся жизнь.

Я не открываю глаз до тех пор, пока не слышу, как за всей этой толпой захлопнулась дверь. Я знаю, что ушли не все. Анька наверняка осталась.

— Это мой первый матч за сборную, — выдыхаю я.

Сестра садится на край кровати и гладит меня по руке.

— Знаю.

— И, судя по всему, последний, Ань. — Я с отчаянием смотрю на сестру.

— Не надо так, Назар. У тебя все ещё будет, вот увидишь.

— Ну да, конечно, будет, — кривлюсь я.

— Ещё столько сезонов впереди, просто не надо отчаиваться. Ты же Елизаров! — подбадривает меня сестра. — СМИ сейчас такую волну хайпа вокруг твоей травмы подняли, ты просто не представляешь.

— Мне плевать на это, Ань. Я вылечу из сборной.

— Не вылетишь, — уверенно заявляет сестра. — Тебе амеры контракт предлагали. Канадцы с руками отрывали. Думаешь, наши не подождут, пока ты поправишься?

Анька все говорит и говорит, а я не слышу. У меня была головокружительная карьера. Я попал в лучшую команду страны. Потом молодежная сборная. Потом еще один великолепный сезон и сразу же приглашение в основную сборную страны. Каждый новый матч лучше предыдущего. Результат за результатом. Результат за результатом на протяжении нескольких лет. И вот наконец-то чемпионат мира. Первый матч и такое дерьмо! Пранек и Живов будто сговорились. Доберусь до этих чертей — своими руками задушу!

Сестра без умолку болтает, уже, кажется, уйдя от темы хоккея и неся все, что приходит в голову. Её голос разносится в голове какофонией странных несочетаемых звуков...

Я распахиваю глаза, возвращаясь из воспоминаний в настоящее. На открытом экране ноутбука по-прежнему проигрывается эпизод из того злосчастного матча, в котором я получил травму. Я смотрел это видео по несколько раз на дню на протяжении последних четырех месяцев. И если потерю крови я давно восполнил, а о ране на шее напоминает лишь шрам, то нога... Проклятый гипс сняли давно, но мне теперь все время кажется, будто мне чего-то не хватает. Последовавшая за этим реабилитация проходит так себе. Я все еще не могу вернуться к полноценным тренировкам, хоть и ежедневно нагружаю ногу различными комплексами ЛФК. Врачи говорят, чтобы я не спешил и не перегружался, иначе будет только хуже. Нужно еще месяц, а то и два, и только потом можно будет задуматься о ежедневных тренировках, постепенно увеличивая нагрузку до максимальной. О полноценном возвращении в большой спорт речи пока не шло. Про попадание в сборную я больше не мечтаю. Контракт с клубом мы расторгли по

обоюдному согласию. Тренер сказал: «Вставай на ноги, Назар, а в следующем сезоне посмотрим». В следующем, мать его, сезоне! Я пропущу целый год! Как же все бесит! Бесит! Бесит!

Противный звук — кто-то за стенкой неумело играет на пианино — набирает обороты. Меня уже тошнит от этих звуков. Я переехал в эту квартиру неделю назад и каждый день вынужден слушать эту дрянь. Задрало!

Я выхожу из квартиры и с силой долблю в соседнюю дверь. Пианино умолкает, замок щёлкает, и на пороге появляется...

Глава 2

Назар

Девчонка. С соломенными, чуть в рыжину, косами, концы которых похожи на пушистые беличьи хвосты, с взлохмаченной макушкой, в круглых очках, через которые на меня смотрят огромные глазища.

— Ты пиликаешь целыми днями? — зло спрашиваю я.

— Нет, у меня нет скрипки, — заявляет это чудо.

— На пианино, говорю, ты пиликаешь?

— Пиликают на скрипке, а на пианино играют, — говорит она, скрещивая руки на груди, и смотрит в упор, с вызовом смотрит. — Да, это я разучиваю новые гаммы.

— Ах гаммы! — кривлюсь я. — Так вот, чтобы не пиликала! — рявкаю я. — Задрала.

— Мне нужно тренироваться каждый день. По закону я ничего не нарушаю, ночью или ранним утром не играю, — пожимает она плечами.

— Еще раз услышу — вышвырну твой рояль из окна. Заруби себе на носу, Белка. — И тычу ей в нос пальцем. Он у нее в веснушках. И щеки тоже, но не так чтобы вся кожа усеяна, а будто кто-то просыпал случайно несколько капелек.

— Не пролезет, — усмехается она.

— Что не пролезет? — хмурюсь я. Отвлекся на веснушки — потерял нить разговора.

— Рояль в окно не пролезет. Вообще-то, у меня пианино. Но и оно не пролезет. — Она деловито одним пальцем поправляет очки.

— Топор возьму, разрублю на щепки, тогда пролезет, — хмыкаю я.

— Тебе сразу топор дать или, может, сначала чаю попьем? — вдруг спрашивает она, а я обалдеваю.

— Ты меня на чай приглашаешь? — уточняю я.

— Почему нет. Я как раз собиралась сделать перерыв.

Недолго думая, я соглашаюсь:

— Если сделаешь пару бутеров к чаю, то я не против. Со вчерашнего вечера ничего не жрал.

— Не вопрос, — и открывает шире дверь.

Идет на кухню — я следом. В распахнутую дверь большой комнаты вижу проклятое пианино, которое вот уже сколько дней испытывает мое терпение.

Я останавливаюсь в кухонной арке и, скрестив руки на груди, наблюдаю, как Белка наливает в керамический чайник с цветочками воду и ставит его, щелкая кнопкой.

— Не боишься незнакомых парней в дом приглашать? — иронично спрашиваю я.

— А чего мне бояться? — Она оборачивается и смотрит на меня с неподдельным недоумением.

— Ну, мало ли, может, я придурок какой-нибудь.

— Пойдем.

Она подходит ко мне, и я отодвигаюсь, давая ей дорогу. Ковыляю за ней следом, прихрамывая. Она открывает дверь какой-то комнаты, и первое, что мне бросается в глаза, — шкаф с кучей спортивных кубков.

— У меня коричневый пояс по карате, — хвалится Белка. — Это, чтоб ты знал, второй кю. Кю — это ранг, — тут же объясняет она. — Выше него только темно-коричневый, а потом черный, но там уже даны. Еще я владею самбо и приемами самообороны. Наваляю любому так, что свое имя забудет.

Мне вдруг становится весело.

— Все-все, сдаюсь! — Я поднимаю руки.

— Пошли чай пить.

И мы возвращаемся на кухню.

— Тебя как зовут-то, пианистка? — спрашиваю я, усаживаясь за круглый кухонный стол, накрытый клеенкой, на которой изображены клубничины. Все в этой квартире какое-то радужно-веселое: цветочки, клубнички, конфетки.

— Юля Белкина, — говорит девчонка.

Не зря я ее сразу Белкой прозвал.

— В консерватории небось учишься, Белка? — язвительно спрашиваю я.

Играть-то она реально не умеет. Белка поджимает губы, отводит глаза и вся как-то будто лишается задора, но потом все же говорит:

— Нет… Сейчас нет.

— Неудивительно. Играешь ты фигово, — хмыкаю я и отхлебываю чай.

— Ты просто ничего не понимаешь в музыке, — вздергивает она носик.

— Достаточно понимаю, чтобы с уверенностью сказать, что твоя игра похожа не на музыку, а как будто кого-то сблевало музыкой! — И откусываю бутерброд с колбасой, которых Белка сделала целую гору. Вижу, что ей обидно, и добавляю: — Не злись, Белка, кто тебе еще правду скажет.

Она молчит и прячет руки под стол, будто я собираюсь ее по ладоням бить за ее ужасную игру. Я отпиваю чай.

— Что за странный вкус?

— Это чай с ромашкой, — говорит Белка и растягивается в улыбке: — Ромашка успокаивает нервы. А то орешь, пальцами в нос тычешь, грозишься пианино мое выбросить. Нужно успокоить нервишки.

Я замираю с бутербродом на перевес и смотрю на эту мелкую козявку в веснушках, которая меня вот таким образом решила поставить на место. Вот зараза! Специально зазвала меня на чай, чтобы успокоить своей проклятой ромашкой.

— Ты не слишком дерзкая для своего возраста, а?

— Мне, вообще-то, двадцать один, так что нет, не слишком, — улыбается она. — А ты кто такой? Я тебя раньше в нашем доме не видела.

— Я Назар Елизаров, — с гордостью заявляю я и играю бровями.

А Белка начинает давиться смехом.

— Назар Елизаров? — смеется Белка.

— Чего смешного? — хмурюсь я.

— Извини, но какое-то рифмованное имя. Назар Елизаров. Елизар Назаров. Веселое имечко.

— Чего веселого? Я Ели-за-ров! — произношу по слогам я. — Не доходит?

— Нет, — мотает Белка головой. — А должно?

— Я хоккеист! Знаменитый! Я звезда, черт возьми! А ты ржешь! — Долблю кулаком по столу так, что чашка подпрыгивает, и вскакиваю со стула. — Идиотка! Я — звезда! А ты пианистка недоделанная! Смеется она!

Я хромаю на выход. Внутри все кипит! Какая-то мелочь рыже-соломенная! В очках огромных! С пальцами кривыми! Белка, блин! И смеется надо мной! Надо мной! Над Елизаровым!

С силой грохаю сначала ее дверью, потом своей. Бросаюсь на диван. Ногу простреливает болью.

— Проклятье! Проклятье! — ругаюсь я и отшвыриваю первое, что попадается под руку.

Пульт от телека долбится в стену, из-за которой снова начинают разноситься отвратительные звуки неумелой игры. Да она с ума меня решила свести! Я хватаюсь за голову и пони-

маю, что ромашка ни черта не действует. Кажется, наоборот, злит еще сильнее. А уже через десять минут меня вырубает…

Глава 3

Юля

Вдалбливаю клавиши с такой силой, что кажется: ещё чуть-чуть и проломлю пианино. Игра ему, видите ли, моя не понравилась. Ты, Белка, не умеешь играть! Это я-то и не умею? Да у меня идеальный слух. Мне стоит один раз взглянуть на партитуру, и я могу тут же исполнить композицию, буквально с закрытыми глазами. Я прирожденная пианистка. Была прирожденной пианисткой... Пока не случилось... Пока не случилось...

— А я все равно буду играть! — бормочу себе под нос и стучу по клавишам. — Белка! Ишь ты! А сам кто? Назар Елизаров! Хоккеист. Назар на носу комар! Назар-самовар!

Я играю до тех пор, пока пальцы не немеют настолько, что я перестаю их чувствовать, потом с силой захлопываю крышку и опускаю на неё голову. Выдыхаю порывисто. Нет, плакать я не буду! Белкины не плачут.

Потихоньку руки отпускает, и пальцы начинает колоть будто иголками. Переворачиваю руки ладонями вверх и смотрю на тонкие линии, которые теперь покрывают мои пальцы. Левая рука ещё куда ни шло, а вот правая... Шрам на шраме. Ничего! Прорвёмся!

По пустой квартире разносится трель телефонного звонка. Наверное, я единственная девчонка в Москве, у кого ещё стоит старый аппарат с диском. Раритет. А мне нравится.

— Привет, пап, — кричу я в трубку, даже не удосужившись поинтересоваться, кто звонит, потому что знаю: на домашний мне может звонить только папа.

— Ты как там, Белка? — улыбается в трубку папа.

Вообще-то, меня все домашние зовут... звали Белкой, Бельчонком, и мне это прозвище нравится, но этот Назар-самовар! Ух, двинуть бы ему чем-то потяжелее.

— Нормально. Ты когда возвращаешься, пап?

— Тут нелетная погода, рейс отменили, так что завтра, дай бог, обратно.

— Ясно. Ну, ты хоть там поешь нормально, ладно? Не сиди на сухпайке.

— Не беспокойся, Бельчонок.

— Пап? — тяну я в трубку.

— Что, малышка?

— А ты знаешь хоккеиста Назара Елизарова? — спрашиваю я.

— Что-то знакомое имя, — задумался отец. — А ты что, хоккеем заинтересовалась?

— Да нет, — вздыхаю я. — Сосед тут заходил... за солью. Говорит, он хоккеист. Только он хромой. Разве хоккеисты бывают хромые? — фыркаю я.

— Ну, может, он травмированный. Это из какой квартиры сосед? — уточняет папа.

— Кажется, из теть Валиной.

— Вспомнил! — кричит папа в трубку. — Назар Елизаров! Это ж тот молодой пацан, на которого возлагали большие надежды на прошлом чемпионате мира.

— Да? — удивляюсь я. — И что? Оправдал он надежды?

— Да какой там, — в сердцах вздыхает отец: все, что касается хоккея, он переживает так, будто он сам хоккеист или, как минимум, тренер. — Он же в первом матче травмировался, и все. Горло ему лезвием конька перерезало.

— Как это? — в ужасе замираю я.

— А вот так, — в трубке начинает что-то трещать, и становится совсем ничего не слышно. — Ты в интернете посмотри сама, — кричит папа. — У нас тут буран начался, на линии поме...

И тишина. Вот так всегда. Улетит куда-нибудь за полярный круг, и не поговорить. Папа у меня лётчик грузовой авиации. Очень часто их борт отправляют то на север, а то в какую-

нибудь Африку с гумпомощью. Дома он бывает набегами, вернее, налетами. А я жду его. Жду и играю, пытаясь восстановить былые навыки. Я знаю, что если быть упорной, то все получится. Правда, одной грустно. После той страшной аварии, в которой погибли мама с братом, грустно вдвойне.

Я иду в комнату, куда часом ранее приводила Назара-самовара, подхожу к шкафу и начинаю рассматривать кубки. Назара я, конечно, обманула. Кубки эти и медали не мои, а старшего брата. Юрка был талантищем. Ему любая борьба давалась играючи, но больше всего он уважал карате. Я была уверена, что брат обязательно получит чёрный пояс. Уже бы наверняка получил, если бы остался жив. Мы с Юркой были погодки. В этом году ему бы исполнилось двадцать два, а он погиб в восемнадцать. И мама...

— А ты выжила, — говорил мне отец, когда врачи меня буквально собрали по косточкам, — а значит, теперь, Белка, должна жить и за брата, и за маму, и за себя саму. Мы оба должны.

Вот я и жила. Пыталась... Играть пыталась, хотя ничего у меня не выходило. «Кто тебе ещё правду скажет, если не я», — вспомнила я слова этого ужасного соседа.

— Будто я без тебя не знаю, — мычу я, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Не плакать, Белка. Не плакать! Мы ещё всем покажем! Обязательно покажем.

И тут же всплывают слова отца: «Ему в первом же матче горло перерезало». Как это перерезало? Разве после такого выживают?

Я сажусь за компьютер и лезу в интернет, набираю имя своего нового знакомого:

— Хоккеист Назар Елизаров...

Первая же ссылка в поисковике выдаёт мне всю историю Назара, его карьеры и травмы. Я даже смотрю кусочек матча, смотрю в ужасе: весь лёд залит кровью. А он ведь сам зажал рану, сам доехал до скамейки запасных и только потом потерял сознание. В статье я прочитала, что эти несколько минут и сила воли Елизарова спасли ему жизнь. Если бы он упал там, на льду, если бы врачам пришлось выходить на каток, а потом уносить его, то время было бы упущено и Назар бы умер, потеряв слишком много крови. Однако, как оказалось, вернуться в спорт молодой хоккеист не смог не из-за страшной раны на горле, а из-за сломанной ноги.

— Бывает же непруха, — вздыхаю я и тут же смотрю на свои руки.

Средний палец на правой — приплюснутый. С тыльной стороны почти незаметно, а вот с внутренний по нему вьётся толстый белый шрам. Врачи хотели этот палец ампутировать, потому что косточка вышла наружу, и они боялись, что не смогут его восстановить. Но отец не позволил, нашёл врача, который взялся сделать сложнейшую операцию и пообещал, что я ещё сыграю в консерватории «Полёт шмеля». Сыграю. Когда-нибудь обязательно сыграю.

Я возвращаюсь в большую комнату, сажусь за пианино и опускаю руки на клавиши. Я никогда не сдамся и, вспомнив Назара, добавляю:

— Трус не играет в хоккей.

Глава 4

Назар

— Так, ну что, Назар, по рентгену все неплохо. Еще пару месяцев — и можно будет увеличивать нагрузку, — говорит доктор Семипалов, а я взрываюсь!

— Пару месяцев? Вы издеваетесь надо мной? Я все лето, провалялся ни черта не делая!

— Назар, у тебя был сложный перелом, тебе еще повезло, что так хорошо все срастается, но начнешь слишком рано перегружать ногу, получишь новую травму, и тогда, может, вообще придется распрощаться со спортом! — терпеливо пытается убедить меня Семипалов.

— Да я и так с ним уже распрощался! Ходить нормально не могу без этой хрени! — Я пинаю здоровой ногой трость, которую мне предложили таскать с собой для опоры.

Я ее именно таскаю или сшибаю головы цветам в клумбах, что торчат и мозолят глаза возле больницы, а не использую нормально, потому что мне на хрен не нужна третья нога. Костылей хватило.

— Придешь на контрольный рентген через три недели, — не обращая внимания на мои выпады, говорит врач. — И если все будет идти, как сейчас, то сможешь потихоньку пробовать себя на льду.

— Потихоньку! Куда уж тише, — с ненавистью выплевываю я и так резко вскакиваю, что ногу тут же простреливает болью, и я падаю обратно на стул. — Черт!

— А я тебе говорю — всему свое время, Назар, — качает головой Семипалов. — Не спеши.

Из кабинета я выхожу злой и тут же натыкаюсь на спешащего по больничному коридору отца. Только его тут не хватало! Позади него маячит Анька.

Мы останавливаемся друг напротив друга, пожимаем руки.

— Ну, как дела, Назар Васильевич, — спрашивает он меня.

— Зашибись, — с сарказмом бросаю я.

— Что Семипалов сказал? — хмурит брови отец.

— Сказал, что не быть твоему сыну звездой мирового хоккея.

Отец прищуривается и говорит:

— Ладно, с Семипаловым я сам проконсультируюсь, а ты кончай ёрничать. Подождите меня с Аней в машине, — бросает он и направляется в кабинет врача.

— Ну, а на самом деле, что доктор сказал? — шепчет Анька.

— Через три недели контрольное обследование, и если все зашибись, мне можно будет выйти на детский каток и сделать кружок, — иронизирую я.

Анька закатывает глаза.

— Ты невыносимый.

— Весь в тебя.

Сестра обнимает меня одной рукой за талию и кладет голову на плечо.

— Все у тебя еще будет, вот увидишь.

— Мне бы твой оптимизм. Смотрю, все вокруг на позитиве, лучше меня знают, что да как. Василь Игоревич вон наверняка уверен, что если с хоккеем покончено, то он заграбастает меня к себе в фирму.

— А что, неплохой вариант, — улыбается сестра.

— Какой из меня бизнесмен, Ань? — кошусь я на сестру.

— М-м-м, — задумывается она. — Такой же, как из меня пианистка, — ржет Анька.

Я тут же вспоминаю Белку, которая несмотря на мои угрозы раздербанить ее пианино в щепу все равно каждый день бьет по клавишам. Да, нехорошо с девчонкой получилось. При-

шел, разорался, как полный придурок, потом нажрался бутербродов и свалил в закат. Надо, наверное, извиниться. Или не надо?

Мы садимся с сестрой на заднее сиденье отцовского мерса.

— Пережить бы этот семейный обед, — вздыхает Анька. — Мама тоже придет…

— Да ладно? Она сядет с отцом за один стол?

— Прикинь, — изгибает бровь сестра. — И все ради тебя.

— Охренеть. Значит, будут с двух сторон мне вставлять мозги по поводу моей мнимой депрессии.

— Она у тебя не такая и мнимая, Назар, — говорит осторожно Аня.

— И ты туда же? — Я зло смотрю на сестру.

— Нет, но кто еще тебе скажет правду, если не родная сестра.

Какая, однако, знакомая фраза.

— Не слишком ли ты мала, чтобы мне советы раздавать, — тут же бросаю я и снова ловлю это странное чувство дежавю.

Нет, все-таки надо перед этой Юлей Белкиной извиниться. Может, подарить ей какой-нибудь курс по игре на пианино? А то ведь совсем меня с ума сведет. Тут же отмахиваюсь от собственных мыслей: нашел, о ком думать.

— Ну что, все совсем неплохо, — заявляет отец, усаживаясь на пассажирское место, и его шофер заводит двигатель.

— Да уж, все превосходно просто! — снова язвлю я.

— Начнешь потихоньку, а там со временем перейдешь к полноценным тренировкам.

— Сезон уже начался. Я уже пролетел с чемпионатом мира. Теперь пролетаю и с попаданием вообще куда-то. Со мной даже контракт расторгли.

— Ну, с контрактом ты сам виноват, нечего было слушать этого Баева. Недотренер, — брезгливо морщится отец и добавляет: — Ничего, наверстаешь. Не в этом году — так в следующем.

— Ага, наверстаю. Кому я буду нужен через год, — кривлюсь я.

— Будешь. Позвони Воронцову Виктору Борисовичу, ты у него в школе «Лед и Пламя» начинал. Он тебя знает как облупленного…

— И что он может? — не выдержав, ору я. Анька тут же кладет руку мне на предплечье, успокаивая.

— Во-первых, сбавь тон. Мал еще так со мной разговаривать, — не теряя самообладания, отвечает отец. — А во-вторых, проконсультироваться с хорошим тренером не помешает. Врачи врачами, а Воронцов посоветует нагрузки и как быстрее восстановиться. Может, лично с тобой позанимается. Зря я, что ли, спонсирую их.

— Да, ты ничего зря не делаешь, — фыркаю я и, пошарив по карманам, вставляю в уши беспроводные наушники, врубая музыку на всю.

Отец, кажется, еще что-то говорит, но я ни хрена больше не слышу, закрываю глаза и откидываю голову на подголовник. Как же хочется уснуть, проснуться и понять, что все это было лишь кошмарным сном, и я снова могу выйти на лед.

Глава 5

Юля

— Давай тут за главную, — говорит отец, целуя меня в макушку. — Хвост пистолетом, все дела.

— Так точно! — салютую ему я.

Я закрываю за папой дверь и грустно вздыхаю: снова его не будет дня три. Когда мы попали в аварию, отца с нами не было, он тогда улетел в очередной рейс в Анголу, куда отправляли несколько бортов гуманитарки. Папу сорвали из отпуска, потому что больше некому было лететь, а мы с мамой и братом остались. В тот день мы поехали на экскурсию, но погода была плохая, накрапывал дождь. На горном серпантине было довольно опасно, но мама уверенно держалась за рулем и ехала осторожно, чего нельзя сказать о водителе туристического автобуса. Он не справился с управлением на очередном витке дороги, и огромный автобус понесло на встречку, по которой ехали мы. Автобус протаранил нашу машину, но нам, можно сказать, повезло: автомобиль крутануло, откинуло к скале, а вот сам автобус со всеми его пассажирами сорвался в пропасть. В той аварии погибло семь человек, а еще мои мама и брат. Они погибли на месте, а я выжила и попала в больницу.

Отец проводил у моей постели дни и ночи, не теряя надежды, хотя доктора не давали оптистичных прогнозов. Но, видимо, я слишком хотела жить или отец слишком сильно молился. Потом, когда спустя четыр с половиной месяца меня выписали, отец порывался уволиться из авиации и найти более оседлую работу. Я ему не позволила. Папа и так потерял слишком много, если он лишится ещё и возможности летать, то тогда уже я потеряю его. Я знала, как тяжело ему подолгу оставаться дома теперь, когда здесь была только я. Живое, но поломанное напоминание о том, что брат и мама не преодолели смерть.

Я снова сажусь за моё старенькое пианино, откидываю крышку, ставлю перед собой этюдник Карла Черни и, закрыв глаза, начинаю играть. Мне не нужны ноты, многие этюды, все, я знаю наизусть. В голове музыка звучит так, как надо, а вот на деле... На деле мои пальцы не слушаются, скользят, не дотягиваются до нужной клавиши, не бьют по ней с нужной силой или легкостью. Но я знаю, если я буду стараться, если я буду верить в себя, то все получится...

— Такими пальцами невозможно играть, — абсолютно бесстрастно говорит Бескудникова, когда я впервые вернулась к занятиями в консерватории. — Не мучай себя, Белкина, и не строй иллюзий.

— Но вы же сами говорили, что редко встретишь пианистов с такими руками, как у меня, — бормочу я, а к горлу подступает ком. — Вы же говорили, что я талант.

— Талант, который ты не уберегла. Ты посмотри на себя. — Бескудникова хватает мои руки и переворачивает их ладонями вверх. — Сколько переломов у тебя было?

— Много... — шепчу я, глотая слезы.

— Много, — холодно выдыхает она. — А вот этот шрам, — она проводит по среднему пальцу, — он выпирает так, что похож на шпору. Как ты будешь играть такими пальцами?

Я начинаю рыдать и умолять Бескудникову помочь мне, может, посоветовать какие-то особенные упражнения, может, позаниматься со мной.

— Забудь, ты больше никогда не сможешь играть даже вполовину так хорошо, как раньше, если тебе не пришьют новые руки, — безапелляционно заявляет она и с грохотом захлопывает крышку рояля, что стоит в огромном музыкальном классе. — Найди себе какое-то другое увлечение, Белкина.

Бескудникова выходит, а я ещё долго рыдаю, оглушая пустой класс всхлипами, но меня слышат только стены, от которых эхом отбивается мой плач. «Найди себе какое-то другое увле-

чение, Белкина». Только вот проблема: музыка никогда не была для меня просто увлечением — я в ней жила.

Когда я зареванная вернулась домой, отец как раз был выходной.

— Я ей покажу, я ей дам! — ругался он, узнав, что мне сказала великая учительница и пианистка. — Мы найдём других учителей, Бельчонок. Если надо — будешь брать уроки, чтобы восстановить навык. Главное — верить. Верить и не спешить.

После этого отец искал мне учителя за учителем, пианиста за пианистом, но все они в один голос твердили, что мой максимум — это «Собачий вальс», да и он под вопросом. Я не верила, и папа тоже. Тем не менее из консерватории документы я забрала, перестала ходить по учителям и теперь уже второй год тренировалась дома.

Закончив очередной этюд, я открываю глаза и улыбаюсь. Мне кажется, сегодня у меня получается лучше. Я слышу, что музыка, разносящаяся по дому, приобретает более правильное звучание, пусть и не идеальное, но это уже не та какофония, которая была ещё неделю назад и которая так взбесила моего соседа. Он больше не приходил, но пару раз чем-то долбил в стену, явно недовольный моей игрой.

Радостная, я достаю партитуру с «К Элизе» Бетховена и начинаю воодушевленно играть, забывая обо всем на свете. Мои пальцы порхают по клавишам. Мне даже кажется, что ни в одной косточке я больше не чувствую боли, а музыка, что льётся вокруг, прекрасна до слез.

Резкий продолжительный звонок в дверь заставляет меня вернуться с облаков на землю. Пальцы ещё бегают по клавишам, но теперь я отчетливо понимаю, что они не бегают, а ползают, что каждое движение отдаётся адской болью в запястье, а комнату оглашает не идеальная музыка, а...

— Как будто кого-то блеванyло музыкой, — вспоминаю я слова своего соседа.

Я отрываюсь от пианино и иду открывать дверь, потому что идиот, который стоит за нею, все ещё давит на звонок.

— Спятил? — сразу становлюсь я в позу, открыв дверь, ведь я знаю, кто пожаловал.

Однако мой боевой настрой тут же сменяется удивлением. У соседа в руках огромный пакет с….

— Орехи? — смотрю я на Назара.

— Ты сегодня превзошла себя, Белка, — хмыкает он и протягивает мне пакет.

Глава 6

Юля

— Ты принёс мне орехи? — настороженно спрашиваю я.

— Ну да, — пожимает Назар плечами и лениво улыбается.

Я замечаю, что улыбка у него красивая, да и вообще... он весь красивый. Он выше меня чуть ли не на две головы. Такой широкоплечий и накачанный, что похож на настоящего богатыря. Наверняка девчонки гроздьями вешаются.

— Это типа, чтобы извиниться за своё хамское поведение? — изгибаю я бровь, принимая боевую позу.

— Ну, типа того, — кивает он и протягивает мне пакет.

— А почему орехи? — уточняю я, поправляя очки на носу.

— Ты же Белка, а белки любят орехи, — заявляет этот нахал.

— Ты все-таки придурок, — закатываю я глаза, но орехи беру. — Ладно, на дураков не обижаются.

Я смотрю на него — он на меня.

— Что-то ещё? — нарушаю я повисшую паузу.

— У тебя есть что пожрать? Вроде чем-то вкусным пахнет. — Он тянет носом.

— Н-да, ты от стеснительности точно не помрешь, — качаю я головой и открываю дверь шире, позволяя Назару войти в квартиру.

— Я суп грибной сварила и мясо потушила, будешь? — предлагаю я.

— Я все буду. Кажется, уже третий день ничего, кроме чипсов не ел, — признается Назар и добавляет: — Дома шаром покати.

— Не пробовал в магазин сходить, продуктов купить? — хмыкаю я и достаю глубокие тарелки для супа.

— Нет, не до того было. Да и что мне с этими продуктами делать? Я максимум что могу, так это дошик заварить. А дошики мне нельзя — вредно.

Я закатываю глаза. Такой огромный и такой беспомощный!

Назар садится за стол, проводит рукой по заросшему щетиной подбородку. Помятый он какой-то сегодня. Синяки под глазами.

— Выглядишь хреново, — озвучиваю свои мысли.

— Бухал два дня, — признается он.

— Ужас, — фыркаю я. — Ну и как? Стало лучше?

— Нет, только голова теперь болит и есть хочется. Думал твои орехи съесть, дома только они и были.

— А не съел, потому что решил, что их выгоднее обменять на мою стряпню, — усмехаюсь я. — Продуманный, блин.

Я ставлю перед ним полную тарелку супа, кладу нарезанный хлеб. На другую тарелку выкладываю мясо и овощи.

— Да ты хозяюшка, — уминая все подряд, с набитым ртом хвалит меня Назар. — Готовишь ты лучше, чем играешь на пианино.

Я проглатываю это обидное замечание, но тут же, машинально, прячу руки под стол, чтобы Назар не увидел, какие они у меня страшные. Хоть с тыльной стороны почти ничего и не видно, но все равно...

Назар не замечает этого моего жеста и продолжает наворачивать суп. Я тоже берусь за ложку.

— Ты одна живешь? — спрашивает он.

— Да нет, с папой, вообще-то. Только он почти все время в командировках.

— Это хорошо.

— Почему? — смотрю я на него непонимающе.

— Потому что, когда родоки постоянно дома, можно повеситься, — хмыкает он.

— Ну, ты-то живешь один. Кстати, кем тебе тётя Валя приходится? — интересуюсь я.

— Теткой. Она мамина сестра. Уехала вот на ПМЖ в Питер и предложила мне пожить здесь.

— Видимо, она тебя не очень любит.

— Почему это? — Он даже есть перестал и уставился на меня удивленно.

— Ну, ты ж тут голодаешь. Она тебя обрекла на голодную смерть, — начинаю смеяться я.

— А у тебя, оказывается, не язычок, а жало, — кривится Назар. — Я думал, все Белки милые.

— Я и есть милая, кормлю вот тебя.

— Ещё б перестала доставать меня своей игрой на пианино, и вообще цены бы тебе не было, — тут же вворачивает он.

— А ты можешь перестать играть в хоккей?

— Я сейчас не играю. — Вижу, как он напрягается и тут же встаёт в оборонительную позу.

— Я имею в виду не сейчас, а так, чтобы навсегда.

— Спятила?

— Вот и я не могу перестать играть.

— Ну, наши случаи сопоставлять нельзя. Я до травмы был профессиональным хоккеистом, — бахвалясь, заявляет он, — а ты ни в одну ноту попасть не можешь.

— Всё я могу! — взрываюсь я.

— Ха! Неужели ты себя не слышишь? Хочешь, запишу на видео? Может, тогда поймёшь, как это со стороны звучит!

— Я хорошо играю... И с каждым днём все лучше, понял? — кричу я и чувствую, как начинает дрожать нижняя губа.

Я вскакиваю с места и ору еще громче:

— Ты ничего не понимаешь в музыке.

— Да ты сама ни черта не понимаешь, Белка! Хватит уже издеваться над всеми соседями!

— Уходи! Убирайся! И... И орехи свои забери! — Я хватаю пакет и пихаю его в руки Назара.

Его удивляет моя реакция, но он лишь качает головой, а выражение лица такое, что я чувствую себя полной идиоткой.

— Психанутая, — бросает он на прощание и прихрамывая идёт к входной двери.

— И не приходи сюда больше подлизываться.

— Да нужна ты была подлизываться. Белка! — Он швыряет на пол пакет с орехами, и тот с громким хлопком рвётся.

За этим следует удар захлопнутой с силой входной двери. Моей. Потом ещё один — уже его.

Я смотрю на усеянный орехами пол. Ассорти: арахис, фундук, миндаль, фисташки, кешью. Мелкими слезками — кедровые орешки.

Я сажусь на колени и начинаю собирать эту россыпь. Все, что угодно, только бы не расплакаться. Белкины не плачут. Не плачут!

Наконец разобравшись с орехами, я перемываю посуду. И чего я взбесилась? Назар прав — я плохо играю. Но я не могу не играть. Ведь бросить — значит сдаться. А я не могу себе этого позволить. Ради папы, который так в меня верит. Ради мамы. Ради брата. Ради самой себя. Белкины не сдаются никогда.

Разобравшись с делами на кухне, я закидываю в рот горсть кедровых орешков, разминаю пальцы, слегка их массируя, пока не начинаю чувствовать, как к ним приливает кровь. Теперь они немеют реже, но все равно иногда случается. Вру. Случается постоянно.

Я сажусь за пианино, надеваю наушники, в которых звучат одна за другой любимые композиции Шопена, опускаю пальцы на клавиши и начинаю играть. Идеально.

Глава 7

Назар

После вчерашней перепалки Белка до самого вечера доводит меня своей игрой. Кажется, несущиеся из соседней квартиры звуки не смолкают ни на минуты. Меня доводит до бешенства эта какофония, и я со всей дури запускаю пультом от телевизора в стену. Но звуки не смолкают. Пульт разбивается в дребезги, а Белке хоть бы хны.

Зато наутро я нахожу реальный способ не слышать ее несносной игры на пианино — врубаю на всю катушку музыку на компе: дикий ор Rammstein заткнет любого Моцарта.

Девчонка не идёт у меня из головы. Худенькая, но не плоская вроде — под просторной футболкой я смог разглядеть призывно вздымающиеся бугорки. Задница очень даже. Это я успел заметить, когда шёл за ней на кухню. Мордашка симпатичная, губастенькая опять же. Конечно, на куколку не похожа, но что-то в этой Юле Белкиной есть. Только вот характер отвратительный: орет, взрывается с полуоборота, критику не выносит. Кого-то мне её характер напоминает, только вот кого?

От нечего делать я мотаюсь из угла в угол по комнате, нахожу в одном из ящиков стола пачку сигарет. Закурить, что ли, с горя? Все равно стать великим спортсменом мне теперь не светит, кажется. Последнюю неделю я даже забросил активные разминки. Все бесит. Отец хоть и расстроен из-за моих травм — он мечтал, что его сынишка станет круче, чем Харламов, — но уже готовит мне запасной вариант: место в своей фирме, которое мне на фиг не надо. А мама тихо радуется, что с опасным спортом покончено. От этого совсем тошно. Да и от самого себя тоже.

Чтобы развеяться и хотя бы на пару часов отвлечься от своих безрадостных мыслей, я отправляюсь в центр и от нечего делать тащусь в магазин, чтобы купить себе новую толстовку. Нет, шопинг меня не радует, как девчонок, но одеваться во что-то надо. И желательно одеваться нормально, а то те же девчонки и не посмотрят.

Купив пару футболок, теплый худи и кеды, я отправляюсь на выход из торгового центра. Навстречу мне идут какие-то цыпочки, смеются, болтают. Весело им, а мне хоть вой! А вот эта блонда ничего такая. И ноги длинные, и фигурка… Давно я с девчонками вот так просто не знакомился. Иду им навстречу. Да ну на хрен. Не до новых знакомств. Я уже почти обхожу их, как блондиночка останавливается и выдает:

— Назар?! Елизаров! Вот уж где не ожидала тебя увидеть! — широко улыбается она.

— Мира! Ты ли это? — хмыкаю я. — Ты прям красотка! — обвожу ее взглядом с ног до головы.

Она явно смущается, но старается не подавать вида.

— Ну, как у тебя дела?

— Зашибись, — тут же перестаю я улыбаться. Только, плиз, не начинай сочувствовать и нести еще какую-нибудь фигню. Я и так на взводе.

— Это хорошо, — кивает Мира.

— Ну ладно, рад был видеть, — прощаюсь я. О чем нам еще разговаривать?

— Назар, — окликает она меня, когда я уже двинулся дальше.

Оборачиваюсь и смотрю на нее вопросительно.

— Назар, а ты ничего про Тимура не слышал?

— Про Тимура? Соколова, что ли? — удивляюсь я.

— Ну, да… — Мира вдруг краснеет и опускает глаза.

Вот блин, неужто девочка до сих пор по Тиму сохнет?

— Да все норм у Соколова. Играет сейчас за Магнитогорский клуб. Вроде собирается подписать контракт с канадцами.

— Значит, все хорошо у него? — Мне кажется, или она совсем расстроилась?

— Все шикарно у него. — Отчего-то злюсь я и прощаюсь.

У всех все шикарно, у одного меня — полный отстой.

Надо выпустить пар. Очень надо. По дороге домой звоню Наташке.

— О, Назар, малыш, ты как? — верещит она в трубку, и тут же в голову закрадывается мысль, что я зря решил ей позвонить.

— Через как, — грубо отвечаю я и тут же перехожу к делу: — Приедешь?

— Сейчас?

— Ну а когда ещё? — и выдавливаю из себя ложь: — Я соскучился.

— Правда? — тут же радостно мурлыкает она.

— Ну, конечно.

— Я уже лечу, — смеётся Наташка.

— Только адрес запиши. Я переехал.

— Ого! В центр? — ахает она.

Ага, в центр, прямиком, блин, в Кремль. Я диктую адрес, слышу удивленные (или разочарованные?) вздохи Наташки и прошу ее приехать через час-полтора. Как раз я успею вернуться домой и принять душ.

С Наташкой мы не то чтобы встречаемся, просто мне некогда было заводить какие-то отношения. Когда постоянные трени и матчи, тут не до серьезных отношений, не до ухаживаний, не до романтики. А Наташка, она всегда под рукой. Мы познакомились с ней в каком-то клубе месяца за два до того злосчастного матча, на котором я получил травму. У нас был бурный роман, точнее перепихон в свободное от хоккея время. Наташка уверена, что я в нее влюблен. Я уверен в обратном, но ей ведь необязательно это знать. Она красотка. Длинноногая, с шикарной гривой волос, с подтянутой пятой точкой. Классная девушка. Туповата, правда. Но какая разница? Мне на ней не жениться. Мне даже с ней разговаривать не надо. Ее интересуют только вечеринки, возможность мелькнуть на фотках рядом с хоккейными звездами, подарки и хороший секс. Может, у нее и есть иллюзии относительно нашего с ней будущего, но это ее проблемы. Я-то ей никогда ничего не обещал.

На пару месяцев у нас с ней все застопорилось, пока я выкарабкивался из травм и депрессий. Ну а теперь... Не особо мне хочется её видеть, но никого более подходящего на приходящую скорую помощь у меня нет.

Возвращаюсь домой и бегу в душ. Наташка должна вот-вот подъехать. Пока жду, прислушиваюсь к звукам за стеной, но у Белки все тихо. То-то же. Рамштайн рулит. Что-то моя соседка сегодня не издевалась над пианино. Может, последовала моему совету и записала свою игру. Может, наконец-то дойдёт до неё, что ничего у неё не выйдет. Придумала — играть, когда ни в одну ноту не попадает. Тоже мне великая пианистка.

Телефон звенит входящим сообщением. Даня. Пацан тоже был подающим большие надежды хоккеистом, и тоже у него случилось попадалово. Мы с ним познакомились в школе «Лед и пламя», вместе не играли, но пересекались на тренировках. Хороший игрок, мог бы далеко пойти. Открываю мессенджер и читаю: «Привет, бро. Живой?» «Типа того», — отвечаю я. «Может, пересечемся на днях?» «Конечно!» — пишу я. Мы договариваемся встретиться в субботу. Хоть какое-то развлечение в моей тусклой жизни. Травмы, допинги, скандалы. И всем друзьям не до меня теперь. У них сезон начался, а я тут тухну.

Из воспоминаний о прошлом меня вырывает звонок в дверь. А вот и Наташка!

В темном коридоре спотыкаюсь обо что-то и чуть ли не падаю, однако удерживаю равновесие. Открываю дверь, но позади меня раздаётся какой-то грохот. Да что ж у тети Вали понапихано по всем углам?

Но мне не до этого. Наташка пищит:

— Наза...

А я не даю ей закончить, хватаю, впихивая в темный коридор, прижимаю к двери и впиваюсь в её губы. Блин, я, кажется, и правда соскучился. Её губы такие сладкие, такие мягкие. Просто обалденно вкусные. От её поцелуя чуть-чуть пахнет орехами и чем-то сладким. Я сжимаю её крепче в объятиях, пытаясь засунуть руку под куртку, и понимаю, что Наташка какая-то не такая. Какая-то она маленькая, худенькая и... И пытается оттолкнуть меня. Чувствую адскую боль и тут же прекратив поцелуй ору:

— Сдурела кусаться! — Я прижимаю руку к губе.

— Ты... ты... Да ты...

Это не Наташкин голос. Но тогда чей? Щелкаю выключателем и вижу перед собой…

— Белка? — в недоумении смотрю на неё.

У Белки грудь ходит ходуном, огромные глаза полнятся удивлением, испугом и негодованием. Щеки пунцовые, а губы...

— Ты вкусно пахнешь, — заявляю я.

— Ты идиот!

Она пытается нащупать замок на двери, но пальцы её не слушаются.

— Извини, я тебя не ждал, — начинаю ржать я.

— Не ждал и поэтому набросился? — пищит она.

— Ну, так получилось.

Виноватым я себя не чувствую, а вот прикоснуться ещё раз к её губам мне хочется. Они у неё нереальные. Я уже наклоняюсь, чтобы опять её поцеловать, как снова звонят в дверь.

Белка подпрыгивает от неожиданности и взвизгивает, а потом все-таки находит замок и распахивает дверь.

На пороге стоит Наташка во всей красе: длиннющие ноги обтягивают рваные в самых неожиданных местах джинсы, свитер с глубоким вырезом, на губищах — розовая помада. Белка ей в пупок дышит. И как я мог перепутать?

— Это кто? — ревниво прищуривается Наташка.

— Это Белка, соседка, — лениво протягиваю я.

— И что она тут делает?

Наташка делает шаг вперёд, а Белка под её напором отступает и натыкается спиной на меня. Я машинально кладу руку ей на талию. Её макушка ниже моего подбородка, и до ноздрей доносится сладкий аромат её шампуня. Сам не соображая, что делаю, я утыкаюсь носом в её волосы.

— Какого хрена, Назар? — орут они в один голос, только Наташка истерично, а Белка испуганно.

— Ну ты и гад! — визжит Наташка и замахивается, чтобы отвесить мне оплеуху, только вот попадает не по мне, а прямо по щеке Белке.

Глава 8

Юля

Я сижу на кухне Назара и прижимаю к скуле пакет со льдом, который он мне вручил и закрыл дверь, вернувшись на разборки с агрессивной девицей, которая до сих пор визжала в коридоре. Я и сейчас слышу крики этой чокнутой супермодели, от удара которой мне чуть не оторвало голову. Господи, как щеку жжет! И челюстью пошевелить больно.

— Ты меня на эту поганку-недоростка променял? — визжит девушка Назара.

— Ты идиотка, — ругается он. — Твоя тупая ревность задолбала.

— Сам ты тупой!

— Хорошо, я тупой, а ты умная. На этом и закончим. — У Назара такой спокойный голос, будто он не со своей девушкой ругается, а разговаривает с малознакомым человеком. Неужели ему все равно? Даже мне не все равно.

— Что значит «закончим»? Ты что, бросаешь меня? — Голос девушки из злобного тут же становится плаксивым. Наверное, она и правда его любит? Я бы так себя вести с парнем точно не стала, даже если бы любила до умопомрачения. Ишь ты какой деловой! Назар Елизаров, чтоб его!

— И бросать нечего, мы не встречались. — Кажется, Назару реально все равно, а вот девушка начинает рыдать и умолять. Фу! Никакого чувства собственного достоинства.

Я пытаюсь заткнуть уши, но получается плохо, ведь в одной руке у меня пакет со льдом. Надо же, такая красотка длинноногая, а так унижается перед Назаром. Может, она верила, что у них все серьезно? Мне даже ее чуть-чуть жалко, но только чуть-чуть, потому что я чувствую, что у меня губа припухла, а кожа на лице горит, как от ожога.

Слышу, как захлопывается дверь, и через мгновение в кухне появляется Назар. Я вдруг вспоминаю, как он жадно целовал меня в темном коридоре, и по телу тут же проходит жаркая волна. Конечно, умом я понимаю, что он ждал Наташу и этот поцелуй предназначался ей, но от этого его губы не кажутся менее сладкими.

— Ты как, Белка? — Он садится на высокий барный стул напротив меня и подается чуть вперед, рассматривая мое лицо.

А я с ужасом осознаю, что Назар голый. Ну, в смысле, не прямо голый, но без футболки. Сижу и, как дура в анабиозе, пялюсь на его мускулы и огромную татуировку, которая покрывает всю правую сторону груди и плечо, а потом выдыхаю:

— Ни фига себе у тебя бицуха! — И тут же краснею, а этот придурок ухмыляется.

— Додики в хоккей не играют, Белка. Это ж силовой вид спорта.

— Я знаю…

— Ну-ка. — Он забирает у меня пакет со льдом, дотрагивается пальцами до подбородка и рассматривает мою щеку. — Ничего, следов не останется. У Наташки слабый удар.

— Ни фига себе слабый, — пищу я и прижимаю ладонь к щеке.

Наши с Назаром пальцы соприкасаются, и он ловит мою ладонь, удерживая ее.

Назар не выпускает мою руку, и я чувствую, как по телу разливается странное тепло. Да какое там тепло — настоящий пожар. У него сильные руки, а кожа на ладонях чуть шершавая. Наверное, оттого, что он много тягает гантели.

— Извини, ладно? — говорит он, заглядывая мне в глаза.

— Ты за что просишь извинение? — почему-то срывающимся голосом спрашиваю я. — За пощечину, которая предназначалась тебе, или за поцелуй, который предназначался не мне?

Назар расплывается в такой самодовольной улыбке, что я тут же жалею о своем вопросе.

— За пощечину, Белка. А поцелуй… — Он нагло вздергивает бровь. — Девушки у меня теперь нет, из-за тебя, кстати, и целоваться не с кем. Так что как насчет того, чтобы повторить?

Я в изумлении открываю рот, а этот идиот пялится на мои губы.

— Только рискни еще раз меня поцеловать, и я тебе врежу, — обещаю я.

— Да-да, я помню про твои кубки, медали и черные пояса. Только что ж ты с Наташкой растерялась и не дала ответочку? — ухмыляется он.

— Я не дерусь с девчонками, — заявляю я, вздергивая носик, и Назар тут же начинает ржать.

Я вдруг осознаю, что он все еще сжимает мою ладонь, да не просто сжимает — его большой палец ласково поглаживает кожу. Я пытаюсь выдернуть руку, но поздно, потому что Назар переворачивает мою ладонь и смотрит на усеивающие ее шрамы.

— Отпусти, — шиплю я.

— Что это? — спрашивает он и проводит пальцами вдоль уродливых белых линий.

— Отпусти же! — вскипаю я, но этот идиот и не думает меня слушать.

— Откуда столько шрамов, Белка? — Он вскидывает на меня удивленные и даже испуганные глаза.

— Не твоего ума дела, понял?

Я все-таки вырываю руку и вскакиваю с барного стула, но он слишком высокий, о чем я забываю, а потому с грохотом валюсь на пол.

— Юля! — с губ Назара срывается тревожный возглас.

Надо же, имя мое помнит! Он помогает мне встать, а я пытаюсь дернутся к двери, чтобы сбежать, сбежать от него подальше и спрятаться в какую-нибудь норку. Однако Назар обвивает рукой мою талию и прижимает меня к себе.

— Юль, откуда эти шрамы? — настойчиво спрашивает он. — Это из-за них ты не можешь играть, да?

— Да отпусти же ты меня, бестолочь, — кричу я и чувствую, как по щекам текут слезы.

Нельзя плакать, Белкины не плачут. Я с силой долблю по груди Назара, осознаю, что он без футболки, осознаю, что от него безумно приятно пахнет гелем для душа, осознаю, что он увидел мои уродские руки, рассмотрел шрамы, что… что… Я сдаюсь и начинаю рыдать. Это меня злит, и я с такой силой пихаю в грудь Назара, что он разжимает объятия. Не разбирая дороги, я бегу в коридор. Здесь темно, я обо что-то ударяюсь, что-то падает, но я все же умудряюсь нащупать замок.

Только захлопнув дверь собственной квартиры, я ощущаю себя в безопасности. Опускаюсь прямо на коврик возле входа, прижимаюсь спиной к двери и, уткнувшись лицом в колени, рыдаю в голос. Я так давно не плакала. Так давно.

Не знаю, сколько я так сижу, но, когда слезы заканчиваются, я понимаю, что опустошена. Вроде бы ничего такого не случилось. Подумаешь, какой-то сосед увидел мои шрамы. Но мне всегда казалось: если никто о них не знает, значит, их как бы и нет. И проблем нет. И смерти тоже нет…

Я иду на кухню и завариваю себе чай с ромашкой. Надо успокоить нервы.

Я долго сижу на кухне, смотрю в окно, за которым ветер срывает с деревьев желтую листву. И понимаю, что я сама, как эти листья: оторвана, еще хорохорюсь, но почти увяла. Скоро от моей бравады и веры в себя ничего не останется. Уже не осталось.

Глава 9

Назар

Уже три дня я не слышу заунывно-скрежещущих звуков пианино из соседней квартиры. Белка больше не играет. Меня все подмывает сходить к ней и что-нибудь сказать, только я не знаю что. Чувствую себя идиотом. Я думал: она не умеет играть и просто издевается над инструментом и моими нервами, а оказывается, она играть не может. Я вспоминаю ее ладонь, по которой змеятся белые, уже давно зажившие шрамы. Что у нее с руками?

Подхожу к зеркалу и рассматриваю свой шрам на горле. Его почти не видно, потому что все заросло густой щетиной. Я окунаюсь в воспоминания. В тот момент, когда Живов резанул мне лезвием конька по шее, я даже не понял, что произошло. Был на таком адреналине от игры, что не почувствовал боли, но машинально прижал крагу к ране и уже на автопилоте доехал до борта и скамейки запасных. Потом, когда я пересматривал в записи тот момент, видел, что весь лед был залит кровью. До одури много крови, но я этого не помню.

Оказывается, не только у меня есть раны и шрамы. У Белки, Юльки, вон все руки изуродованы. Что же с ней произошло?

Переодевшись, я выхожу из квартиры, смотрю на дверь Белки, но так и не решаюсь позвонить. Ладно, в другой раз. Сейчас мне надо ехать на встречу с Даней, как и договаривались.

Мы встречаемся с ним в кафе, недалеко от хоккейной школы, где и познакомились несколько лет назад. Даня чуть ли не единственный из старых приятелей, кто, после того как я получил травму, не сделал вид, что меня не существует.

— Здаров, Нил, — пожимаю я ему руку.

— Привет, Назар. Ну, как оно? — Он кивает на мою ногу.

— Хреново, — признаюсь я. — Лед еще под запретом. Гаденыш Пранек мне кость раздробил в труху. Увижу когда-нибудь — убью, — зло выплевываю я.

— Слышал, он подписал контракт с «Монреалем».

— Сука! — выдыхаю я как раз в тот момент, когда к нам подходит официантка с заказом и застывает в изумлении.

— Это он не вам, девушка, — широко улыбается Даня.

— Конечно, не вам, — тоже улыбаюсь я, и девушка расцветает, ставит наш заказ на стол, а потом говорит: — Извините, а вы не Назар Елизаров? Знаменитый хоккеист?

Я расплываюсь в самодовольной улыбке. Оказывается, меня еще помнят. Я подмигиваю Дане и говорю:

— Нет, вы ошиблись, но вот он, — киваю я на друга, — и правда знаменитый хоккеист.

— Да? — Она удивленно смотрит на Даню.

— Ага. Даниил Кравцов! Знаменитый Нил!

— Ого! — расплывается девушка в милой улыбке. — Классно! Можно автограф?

Даня, кажется, даже смутился, но девчонке черканул пожелание и поставил свою роспись.

— Ну все, братишка, ты теперь звезда! — хмыкаю я, когда официантка уходит.

— Какая еще звезда. Ты же знаешь, после всей этой подставы с допингом я не планирую возвращаться в большой спорт. — Он хмурится, окунаясь в безрадостные мысли.

— Ерунда! — наклоняюсь я к нему. — Ты же здоровый! Руки-ноги целы! Бейся, братишка! Докажи всем, что ты настоящий хоккеист. Посмотри на меня, — зло произношу я, — вот кто ни на что больше не годен.

Наш разговор плавно перетекает в воспоминания о хоккейной школе, о тренере Воронцове, нашем Борисыче, который вкладывался в нас по полной.

— А помнишь Зиму? Мирона Зимина? Вы с ним были не разлей вода, — говорит Даня.

Конечно, помню, как я могу забыть лучшего друга. Зима — отличный игрок. Был отличным игроком, пока не накуролесил. В результате бросил хоккей, ушел в армию. Мы сто лет не виделись и почти не созванивались. Правда, он, как и Даня, позвонил мне, когда узнал о моих травмах. Моя сестра Анька когда-то по-детски была влюблена в Мирона, бегала за нами хвостом. Интересно, где он сейчас? Кажется, учится, забросил профессиональный хоккей. Сто лет не видел его.

Распрощавшись с Даней, я еду домой. Хотя какой это дом? Так, временное убежище, предоставленное теткой. Но я ей за это благодарен, потому что жить с мамой под одной крышей я больше не мог. От нее прямо-таки исходила надежда, что я никогда не вернусь в хоккей. Вернусь ли? Чем больше проходит времени, тем призрачнее мне кажутся мои шансы восстановиться и попасть в хорошую команду. Одно знаю: если все-таки со здоровьем наладится и нога срастется нормально, то к Баеву я больше не вернусь, какие бы горы золота он мне не сулил. Что это за тренер, который отказывается от игрока, когда тот получает травму? Да, я сам сглупил, согласившись разорвать контракт досрочно, но я был в долбанной депрессии. Я, мать его, был в шоке. Начинаю перебирать в голове клубы, за которые хотел бы поиграть. Некоторые парни мечтают уехать в Штаты или Канаду, кто-то грезит о Европе, а я всегда хотел играть на родине. «Берсерки» — команда из Новосибирска, лидер в нынешнем турнире, в прошлом году завоевали кубок. Я бы хотел попасть к ним, но разве им нужен сдувшийся Назар Елизаров? Я до боли сжимаю челюсти. Я прорвусь! Я должен!

Припарковав машину у подъезда — слава богу, перелом достаточно зажил, чтобы я мог нормально водить, — я поднимаюсь на свой этаж и решительно жму на звонок в квартиру Белки. Дверь открывается практически сразу.

— Здрасьте, — говорю я невысокому крепенькому мужику, немного опешив.

— Здравствуй. — Он смотрит на меня настороженно и будто пытается просканировать, чтобы узнать, кто я и что у меня в башке.

— Юля дома? Я ваш сосед, — киваю на дверь за спиной.

— Назар Елизаров, — догадывается мужик и протягивает мне руку. — А я отец Юли. Валерий Алексеевич.

Я пожимаю протянутую руку, а за спиной мужчины раздается звонкий голосок:

— Пап, кто там?

— Назар к тебе пришел.

Я слышу, как Белка фыркает и говорит:

— И опять к обеду. У тебя прямо чуйка. — Это она уже явно не папе адресует.

— Проходи, Назар, — приглашает Валерий Алексеевич. — Пообедаешь с нами.

— Да нет, спасибо. Я не голоден.

— Ха! — слышу я наглый возглас Белки.

— Ну, хоть чаю попьешь, — настаивает ее отец.

— С ромашкой? — уточняю я, а Валерий Алексеевич начинает смеяться.

— Ага, значит, Юлька и тебя им уже успела угостить. Замучила меня этой ромашкой.

И я понимаю, что с ее отцом общий язык я найду быстрее, чем с упрямой девчонкой.

Валерий Алексеевич проводит меня в большую комнату. Я кошусь на сиротливо стоящее у стены пианино, которое буквально кричит о том, что на нем три дня не играли.

Белка гремит кастрюлями на кухне, а ее отец заводит разговор о хоккее, и уже через две минуты увлекает меня беседой. Оказывается, он фанат.

— Мы вообще всей семьей любим спорт, — говорит он как-то грустно и добавляет: — Любили. Ну, кроме Юльки. Она у нас совсем не спортивная девочка.

— Как это? — раскрываю я рот от изумления.

— Тебя это удивляет? Понимаю, — кивает он. — Когда сам спортсмен, трудно понять тех, кто спортом не занимается. Но Юлька ничего, кроме музыки, не признает.

— Подождите! А как же коричневый пояс по каратэ, самбо и все остальные награды?

Валерий Алексеевич смотрит на меня удивленно, а потом начинает хохотать.

— Так это Юры, брата Юлиного, а она, видимо, сказала, что ее? Это она тебя напугать хотела, — понимает он, а потом, вмиг погрустнев, добавляет: — Юра погиб больше трех лет назад вместе с Юлиной мамой, а Юля вот выжила…

— Я не знал. Она ничего не рассказывала, — отупело говорю я.

Мы оба молчим, но вскоре неловкую паузу нарушает голос Белки, которая кричит нам из кухни:

— Идите обедать, болтуны-хоккеисты!

Глава 10

Юля

«Неголодный» Назар накидывается на еду так, будто не ел неделю. Оно и понятно: парень-то огромный. В нем, наверное, метр девяносто с лишним роста, а в килограммах — целый слон.

Я молчу, а папа много говорит, рассказывает Назару о своей работе, о недавнем рейсе за полярный круг. Я рада, что Назар пришел, когда папа дома. Боялась столкнуться с ним лицом к лицу, боялась, что снова начнет спрашивать про мои шрамы. Еще, не дай бог, начнет сочувствовать или жалеть. Я поэтому ни с кем из бывших подруг больше и не дружу: не хочу их жалости. Помню, как после возвращения из больницы, когда я более-менее пришла в себя из-за гибели мамы и брата, я пошла на встречу с девочками, с которыми дружила чуть ли не с пеленок. Я помню эти сочувственные взгляды, эту неловкость, помню, как Машка не могла оторвать глаз от моих рук, на которых тогда шрамы были видны гораздо сильнее, чем сейчас. Она весело болтала, но при этом косилась на мои пальцы. К слову, шрамы у меня не только на руках. Есть еще один, на лопатке, весьма заметный, если ходить голой. Но лопатками мне не играть на пианино. Пусть хоть все шрамами обрастут, а вот пальцы…

С тех последних посиделок с подружками я вернулась полностью разбитая и уничтоженная. Какие-либо отношения с девочками я порвала, перестала звонить сама, перестала отвечать на телефонные звонки и сообщения. Через два месяца обо мне больше никто и не вспоминал. Тем более бывшие одногруппники. Я для них перестала что-то значить. О чем можно говорить с пианисткой, которая не уберегла самое дорогое, что у нее есть, — собственные пальцы!

Общалась я теперь только с Алиной. Это двоюродная сестра. Мы с ней ровесницы, но до аварии почти не дружили, так, изредка пересекались на семейных торжествах. Однако именно Алина теперь часто приходит, приносит какие-нибудь странные чаи — она на них помешана — с цветами, цитрусами и даже с кофейными зернами, мы подолгу сидим на кухне и болтаем обо всем на свете. Даже обо аварии. Вспоминаем маму и Юрку. Даже можем пошутить о моих дурацких руках. С Алиной просто, потому что у нее на все всегда есть ответ. Надо ей про Назара рассказать, вот она удивится, что у меня в соседях такой сногсшибательный красавчик. Правда, характер у него отстойный.

— Ну, идите, — вырывает меня из мыслей голос папы, — я тут сам все уберу.

— Куда идти? — хлопаю я ресницами и поправляю сползшие очки.

— Так Назар предлагает прогуляться. На улице теплынь, бабье лето началось, а ты уже три дня не вылезала из дома.

— Белка, ты что, ничего не слышала и уснула над тарелкой с супом? — усмехается Назар. Этот гад в своем репертуаре! Даже папу не стесняется.

— Это не суп, а борщ, — возражаю я.

— Вообще-то, борщ — тоже суп, — хмыкает он.

— Умник нашелся, — ворчу я.

— Давай, Бельчонок, идите погуляйте. Ему ногу надо разминать, а тебе…

— А мне? — вскидываю я глаза на папу.

— А тебе мозги проветрить, — подмигивает мне он.

— Не хочу я никуда идти, — ворчу я, но все-таки поднимаюсь, собираю тарелки со стола и ставлю их в раковину.

Затем выхожу в коридор и начинаю натягивать куртку.

— Прихорашиваться не будешь? — хмыкает позади меня Назар.

— Я и так хороша, — фыркаю я, а этот наглец тут же опускает взгляд на мою грудь. Вырез лонгслива даже вырезом назвать нельзя, но Назар все равно пялится. Я лишь мотаю головой — чего с идиота взять — и застегиваю молнию.

Замечаю, что Назар в джинсах и толстовке. А еще замечаю, что плечи у него широченные и что он выше меня на две головы.

— Ты как шкаф, — констатирую я.

— А ты как белка, — пожимает он плечами и смеется.

— Смотрю, у тебя хорошее настроение, — закатываю я глаза. — Наверное, потому что моя дебильная игра тебе больше не мешает.

Он как-то странно на меня смотрит, но ничего не говорит. И не говори лучше! А то я могу и врезать. Может, у меня и нет коричневого пояса по карате, но Юрка мне часто показывал приемчики. К слову, ни один из них у меня никогда не получался, но кто мне помешает потренироваться на Назаре, если он вздумает мне сочувствовать?

Мы выходим на лестничную площадку.

— Как твоя девушка? — спрашиваю я, пока мы спускаемся в лифте. — Вымолил прощение?

— Вот еще! — хмыкает он. — Мало, что ли, девчонок вокруг?

Я лишь фыркаю. Тоже мне — любовник-сердцеед. Вообще-то, Назар тянул. Не удивлюсь, если у него не только эта Наташка, а целая дюжина вот таких раскрасавиц. И чего он тогда ко мне привязался? Ага! Наверное, решил, что я буду его вечно подкармливать. Обойдется! Папа завтра улетит, а я перестану быть гостеприимной. Хватит!

Мы пересекаем двор и идем в сторону небольшого леса, что через дорогу. Это не совсем лес, но и не парк. Так сказать, облагороженный лесок, где сделали аккуратные дорожки, поставили кое-где лавочки и даже на входе соорудили детскую площадку. Здесь повсюду растут березы и клены. Кленовые листья усеивают дорожки, укрывают все вокруг ярким желто-багряным ковром.

— Как красиво! — улыбаюсь я.

— А ты не хотела идти, — тут же вставляет колкое замечание Назар.

— Может, я не идти не хотела, а не хотела идти с тобой, — не остаюсь в долгу я.

— Кстати, все хотел спросить, а зачем ты тогда ко мне заходила?

— Когда получила по фейсу от твоей подружки?

Про поцелуй я молчу, а то ведь ввернет какую-нибудь пошлость.

— Да, — кивает он.

— Хотела предложить купить тебе что-нибудь. Я ведь в магазин собиралась, а ты все время жалуешься, что у тебя дома мышь повесился.

— Заботливая Белка, — хмыкает Назар.

— И ни чуть, — возражаю я и кошусь на него. — Просто подумала, что если куплю тебе полуфабрикатов, которые даже дебил может разогреть в микроволновке — на это, как ты понимаешь, много ума не надо, — то ты перестанешь просить есть, — растягиваюсь я в улыбке, — а то я уже начинаю себя чувствовать твоей поварихой.

— Ты вкусно готовишь, — говорит этот наглец таким тоном, что я понимаю: я от него не избавлюсь и буду кормить и дальше, пока он живет по соседству.

Мы долго идем молча. Назар сбивает прутиком листья, поднимая их в воздух ярким облаком, а я собираю целый букет.

— Зачем они тебе? — с сарказмом спрашивает он и плюхается на скамейку.

— Они красивые.

— Лучше шишек набери, — советует он.

— Зачем это? — с подозрением в голосе спрашиваю я.

— Ну, белки же любят шишки, — тянет он и начинает ржать.

— Хоккеисты все такие придурки? — закатываю я глаза.

— Нет, это, видимо, последствие травмы, — невесело хмыкает он.

— А до травмы ты типа был добрый и милый? Что-то не верится.

— Я, вообще-то, и сейчас добрый и милый, — заявляет он.

— Ха!

Я сажусь рядом. Мы молчим, мимо проходят редкие гуляющие: рабочий день еще не закончился, поэтому людей мало.

Я вижу, что Назар вытягивает вперед ногу, потом сгибает и снова вытягивает.

— Болит? — осторожно спрашиваю я.

— Почти нет, но иногда дергает, — безразлично отвечает он. Как-то совсем уж безразлично.

— Когда тебе снова разрешат встать на коньки?

— Через две недели, если все будет нормально, — с презрением выплевывает он, а я понимаю, что он безумно устал ждать, что он в отчаянии.

Я неожиданно для самой себя беру его за руку и говорю:

— Нельзя отчаиваться, понимаешь? Нужно верить, что все получится. Иначе не выжить!

Я чувствую, как надрывается мой голос, как к горлу подступает ком.

Назар переворачивает мои руки ладонями вверх и проводит большими пальцами вдоль уродливых белых линий.

— Ты никогда не сдаешься, да, Белка? — говорит он, а я не знаю, что ему ответить, ведь я уже сдалась.

Глава 11

Назар

— Расскажи, как это произошло, — прошу я Белку.

Я вижу, что она сначала дергается, хочет отказаться, но потом ее плечи опускаются, и Белка рассказывает: про веселое путешествие в Испанию, про планы на будущее, про дождь и горный серпантин, про не справившегося с управлением водителя автобуса, про все, про все…

— Я сидела на переднем сиденье, — говорит она, — лобовое стекло лопнуло, буквально взорвалось, я руками прикрыла лицо, но все осколки попали мне прямо в ладони, а потом меня бросило вперед… Вот здесь, видишь, самый уродливый шрам. Здесь кость вышла наружу. У меня каждый палец был сломан, каждая фаланга. На этом и этом, — она указывает на пальцы правой руки, — средние фаланги сломаны в двух местах. Меня буквально по крохотным косточкам собрали. Не только руки, но руки пострадали больше всего, — тараторит Белка. — Знаешь, наверное, это божье наказание или испытание, или проклятие какое-то. Вот почему мне, пианистке, не переломать бы ноги в ста местах? Они мне не особо и нужны, но руки! Пальцы! Я до сих пор жалею, что закрылась руками, лучше бы мне лицо изодрало, а пальцы целы бы остались.

Она все говорит и говорит, а я понимаю, что за этими рассуждениями о ее переломах и испытаниях скрывается гораздо большая боль. Ведь самое страшное не в том, что она больше не может нормально играть, самое страшное в другом — ее мама и брат погибли. Белка этого неозвучивает, но я считываю невысказанное признание. И вдруг совершенно неожиданно мои собственные проблемы уже не кажутся такими страшными. Моя мама жива. Анька жива. И отец тоже. Белке… Юле Белкиной пришлось гораздо хуже.

— Это давно случилось, Юль? — спрашиваю я.

— Больше трех лет назад, — кивает она.

— Охренеть! — выдыхаю я. — И ты все равно не сдаешься? Пытаешься играть?

— Я и не сдамся! Обязательно снова научусь играть, вот увидишь! — В ее глазах загорается пламя, и она с таким отчаянием смотрит на меня, что я понимаю: Белка сдалась. И мне это не нравится. Только вот почему? Кто мне эта девчонка? Соседка, доводящая меня своим пианино до белого каления? Она ведь даже как девушка мне не нравится. Мне не такие девочки нравятся…

Я вдруг осознаю, что все еще сжимаю ее ладони и что не хочу отпускать. Однако Белка внезапно замолкает, опускает глаза на наши руки и выдергивает свою. Я вижу, что она покраснела. Смутилась, что ли?

— Знаешь, — говорю я, — мне кажется, тебе не помешает сделать перерыв.

— Ты про пианино? — понимает она.

— Ну да! Ты загоняешь себя. Как спортсмен, который думает, что вот еще чуть-чуть, еще одно усилие, и он выдаст лучший результат. И каждый день он увеличивает нагрузки, подстегивает себя, напрягает мышцы, рвет их, а результаты ухудшаются. Бывает такой момент, когда нужно остановиться и как бы перезапустить себя, понимаешь? — выдаю я и сам охреневаю. Когда это я успел стать таким умником?

— Может, ты и прав, — пожимает плечами Белка. — Только что мне еще делать, если не играть?

— А что все девчонки делают в свободное время? — хмыкаю я.

— Шопятся, на маник ходят, фигней всякой занимаются, — морщит она нос, а я начинаю ржать.

— Еще с парнями гуляют. У тебя есть парень, Белка? — зачем-то спрашиваю я.

— Нет, — просто отвечает она. — Мне было не до этого.

Я закидываю руку на спинку скамейки и говорю:

— У меня теперь тоже девушки нет. Между прочим, по твоей вине. — Я подмигиваю Белке.

— Я-то тут при чем? — фыркает она, опускает взгляд на мои губы, а я по приколу складываю их бантиком.

— Поцелуемся? — предлагаю я.

— Дурак, что ли? — закатывает она глаза.

— А что такого? Тебе ведь точно понравилось!

Я вижу, что попал в цель, но Белка вскакивает со скамейки и заявляет:

— Ты не в моем вкусе!

— Да ладно, — растягиваюсь я в улыбке. — Я во вкусе любой девчонки.

— Ну ты и индюк самодовольный!

— Да ладно, чего ломаться. Я не против, на безрыбье, как говорят, и рак рыба!

— Да пошел ты, придурок!

Белка разворачивается и почти бегом несется в сторону дома. Мое веселье улетучивается. Сам не знаю, что на меня нашло. Ведь сидели, разговаривали нормально, она мне, можно сказать, душу вывернула, а я понес какую-то чушь про поцелуи. Зачем оно мне надо? Белка ведь реально не из тех девочек, на которых я смотрю. Ни рожи, ни кожи. Хотя нет, это не про Белку! Она ведь красивая. Глаза вон какие необычные, а губы… Блин, я вспоминаю, какие они мягкие и вкусные, и понимаю, что меня начинает шторить. Губы губами, но ростом мелкая, да и фигурка… Могло быть и лучше. Зато готовит вкусно, и папаша у нее нормальный.

Я поднимаюсь со скамейки, когда уже собираются сумерки. Белка последнее время занимает все больше моих мыслей. С этим надо что-то делать. Наверное, надо. И вообще, мне не до баб всегда было. Нужно думать о тренировках, о спорте, о победе. Девушки — лишь способ выпустить пар после матча. Не до.

Иду к дому, чувствую, как пробирает холод. Осень, блин. Уже осень. Уже сезон начался. Ребята во всю впрягаются в матчи, а я даже смотреть теперь не могу трансляции, потому что стоит увидеть парней на льду, и меня обуревает ярость.

— Когда ж ты уже срастешься нормально, — ругаюсь я на ногу и вдруг понимаю, что уже не хромаю совсем и не чувствую даже отголосков боли.

Может, насрать на слова врача и взять, да и поехать завтра на каток? Опробовать наконец-то лед? В душе звенит тревожный сигнал: не сделай себе только хуже, дотерпи. Тут же в голове снова всплывает Белка и ее рассказ. Она бы наверняка не притронулась к пианино, если бы ей сказали год не касаться инструмента, и тогда через год она стопроцентно сможет снова играть хорошо. Что ж, мне осталось подождать чуть меньше двух недель. Я подожду! А пока надо чем-нибудь отвлечься…

— Если Белка не хочет больше целоваться, значит, найдем другую кошечку, — хмыкаю я и достаю мобильник, перебирая знакомых девочек в соцсетях. — Нужно выпустить пар!

Глава 12

Юля

— Да он просто красавчик! — мурлыкает сестра Алина, рассматривая фотографии Назара в сети. — Смотри, он был моделью нижнего белья. Обалдеть!

Она протягивает мне телефон, и я вижу Назара в одних боксерах.

— Красивый, конечно, но не в моем вкусе, — бесстрастно говорю я и поправляю сползающие очки.

— Ха! Да он в чьём угодно вкусе! — возражает Алина. — Был бы он моим соседом, я бы наведалась в гости.

— Я уже один раз наведалась и получила по мордасам.

— Зато он тебя поцеловал, — возражает Алина.

— Он думал, что это не я.

— Ну и что, но поцеловал же? Как, кстати, он целуется?

— Я была слишком шокирована, чтобы что-то понять, — вру я.

Вообще-то, Назар целуется обалденно. Не могу сказать, что у меня большой опыт в этом вопросе, но если сравнивать с моими предыдущими поцелуями, то этот был незабываем. У меня до сих пор мурашки по телу бегают, стоит мне только вспомнить его губы и настырный язык. Я вздохнула.

— Влюбилась, — тут же делает вывод Алина.

— Смеёшься! — фыркаю я. — Я тебе говорю: он не в моем вкусе. Может, и красивый, тут не поспоришь, но характер — полный отстой.

— Зато тело! — тянет сестернка и облизывается, как кошка.

Я машу на нее рукой и перевожу тему:

— Как там в универе? Как твой несносный мажор?

— Ой, я тебе сейчас такое расскажу!

Алина во всех подробностях начинает посвящать меня в их университетские интриги, а я слушаю вполуха. Сама уношусь мыслями в воспоминания о нашей с Назаром прогулке, о том, как он держал меня за руку, как рассматривал мои шрамы. Ну и о перепалке, конечно. У нас с ним ни одна встреча ещё не заканчивалась без ругани, поэтому я решила больше с ним не пересекаться. Он, наверное, тоже, потому что больше не заходил на ароматные запахи еды, которые ежедневно разносятся из-за моей двери. Я забросила пианино. Нет, не из-за слов Назара, что нужно взять тайм-аут, а просто не хочу больше играть. После того как зажили все мои переломы, ни дня не прошло, чтобы я не села за пианино. Сколько это? Два года и восемь месяцев? А в месяцах аж тридцать два. А в неделях? А в днях? Я боюсь считать. Наверное, я выгорела и больше не верила, что у меня что-то получится. «Найдите себе другое увлечение», — вспоминаю слова Бескудниковой. Наверное, все вокруг были правы: нужно двигаться дальше. Только куда? Может, стать поваром? Я вроде хорошо готовлю. Или заняться какой-нибудь борьбой, чтобы уметь давать отпор всяким там Наташкам и Назарам.

— Так ты пойдёшь? — доносится до меня голос Алины.

— Куда? — хлопаю я глазами, непонимающе смотря на сестру.

— Опять свои думы думала и не слушала меня, — закатывает она глаза.

— Прости, — строю я невинную мордочку.

— В клуб. Я буду там день рождения отмечать.

— День рождения в ночном клубе? — морщусь я.

— Ну да. Я уже и столик заказала в вип-зоне на пятнадцать человек.

— Ого! — ахаю я.

— Вот тебе и ого! В общем, я тебя там тоже жду и никаких отговорок не принимаю.

— Ты же знаешь, я не люблю клубы, — удрученно вздыхаю я. — Я даже танцевать не умею.

— Кому какое дело до твоих умений. Туда люди приходят оторваться, а не участвовать в конкурсе, кто лучше станцует, — смеётся Алина.

— Да я даже не знаю, что туда надевают. У меня и нет ничего такого.

— Показывай гардероб, — командует Алина, и мы идём в мою комнату.

Через двадцать минут сестра выносит вердикт:

— Да, Бельчонок, ты реально запущенный случай. Это ж надо — дождить до двадцати одного года и не иметь ни одного красивого платья для похода в клуб. А пригласит тебя Назар на свидание и что ты наденешь? Джинсы и свитер?

— Во-первых, он меня не пригласит. Во-вторых, какая разница!

— Вот приедет дядя Валера, я ему все выскажу. И куда он только смотрит!

— Уж точно не на мои платья, — смеюсь я.

— Собирайся! — командует Алина.

— Куда? — хмурюсь я.

— На шопинг! Будем гардероб тебе обновлять!

— Может, не сегодня, а? — пытаюсь отмазаться я.

— Сегодня! — отрезает Алина таким тоном, что я понимаю: не отвяжусь! — Деньги у тебя есть?

— Есть, конечно.

Вообще-то, папа неплохо зарабатывает. Нам вдвоём больше чем хватает. Я почти ничего не трачу, хотя папа каждый месяц переводит на мою карту отельную сумму «на девчоночьи нужды». Там уже столько накопилось, что можно закачаться. Алина бы точно закачалась, хотя её родители тоже ни в чем ей не отказывают, в рамках разумного, конечно.

— Надеюсь, ты не потащишь меня в ЦУМ!

— Я бы с удовольствием, но, боюсь, нам это не по карману. Но когда-нибудь обязательно будет, — уверенно заявляет сестра.

— А куда поедем?

— Есть один магазин, дизайнерский. Не очень раскрученный, но там хозяйка сама модельер и сама шьёт. У неё эксклюзивные платьишки как раз на наш вкус.

Я хмыкаю. Уж чего-чего, а вкуса на платьишки у меня нет. У меня вообще платьев нет, если не считать длинного, купленного для выпускного, которое я все пытаюсь продать в интернете, но никто пока не позарился, и ещё одного, летнего сарафана, тоже длиной до пят, который я люблю таскать в деревне у бабули.

Мы выходим из подъезда и пересекаем двор. На выходе из него на нас чуть не наезжает спортивная бэха серебристого цвета. Мы отпрыгиваем в кучу грязной листвы, которую сгребли дворники.

— Придурок! — ругаюсь я и понимаю, что за рулем сидит Назар.

По губам вижу, что он тоже матерится на нас с Алиной. Окно опускается, и он выкрикивает:

— Не видите, что ли, куда прете, курицы!

— Чокнутый идиот! — Я показываю ему средний палец, хватаю Алину под руку и тяну к автобусной остановке, где как раз притормаживает нужный нам автобус. — Побежали.

Мы едва успеваем влететь в автобус, как за нами захлопываются двери.

— Видела? — хмыкаю я. — Вот тебе и суперкрасавчик Назар Елизаров! С его знаменитым отстойным характером!

— Обалдеть, — ахает сестра и добавляет: — В жизни он ещё круче выглядит!

Я лишь качаю головой — безнадежный случай.

Глава 13

Назар

— Назар, может, стоит задуматься над предложением отца, — говорит мама.

Я приехал к ним с Анькой на обед. Давно не был дома. Лучше б не приезжал, потому что мама продолжает то, что начала ещё во время того «семейного» похода в ресторан, состоявшегося после последнего визита к врачу.

— Мам, я спортсмен, нравится тебе это или нет. Это у вас с отцом все просто: захотели разбежались, захотели — сделали из сына хоккеиста, захотели — сделали из него бизнесмена? Не выйдет!

— Назар, сбавь обороты, — поджимает губы мама и смотрит на меня грозно, как в детстве. Только вот взгляд этот меня больше не пугает.

— Нет, это ты сбавь обороты. Достали распоряжаться моей жизнью. Я вернусь в хоккей чего бы мне это ни стоило!

Я подрываюсь из-за стола и иду на выход. Анька притихла и не вмешивается.

— А если завтра тебе скажут, что дверь в большой спорт для тебя закрыта? — Мама не унимается и идёт следом за мной.

— Это твои мечты и тайные надежды? — усмехаюсь я. — Раз так ненавидишь хоккей, почему позволила отцу отдать меня в спорт?

— Может, потому что думала, что спорт для мальчика — это полезно, — скрещивает она руки на груди. — Или думала, что вырастешь и начнёшь увлекаться чем-то ещё.

— Или просто не верила, что я талантлив.

— Назар, ты ведёшь себя как неразумное дитя. Да я поседела после того твоего матча. Думаешь, весело матери смотреть на то, как её сыну перерезают горло? Ты ведь мог умереть! Неужели ты этого не понимаешь! — кричит она.

— Но я жив, мам! Жив и хочу играть! Неужели ты этого не понимаешь? — тоже ору я. — Хватит лезть в мою жизнь. Я сказал, что вернусь в хоккей, и я это сделаю. Не смогу больше играть, значит, стану тренером, как Воронцов.

— Тоже мне кумир! — презрительно говорит мама. — Нашёл эталон для подражания.

— Мам, хватит! — рявкаю я и со всей силы захлопываю за собой дверь.

Мать уверена, что на моей спортивной карьере можно поставить крест. Отец рассуждает, как всегда, прагматично: не сможешь нормально играть, пойдёшь в бизнес. Ему все равно, что я чувствую. А мама упивается своими переживаниями.

Я сажусь за руль и еду куда глаза глядят. Неосознанно выруливаю к клубу «Лёд и пламя». Я вхожу в до боли знакомое здание и иду по гулким коридорам. Тут же накатывают воспоминания: все свое свободное время я когда-то проводил здесь, я заболел хоккеем с самого первого дня, когда встал на коньки и взял клюшку.

Задумавшись, я не заметил, как налетел на какую-то девчонку.

— Смотри куда прешь! — взвизгивает она. — Ой!

— Вот тебе и ой! — огрызаюсь я, стряхивая с куртки капли кофе, которым эта растяпа меня облила.

Взглянув на девчонку, я улыбаюсь: ничего такая, миленькая.

— Девушка, где сейчас главный тренер? — спрашиваю я.

— Тренировка еще не началась, поэтому можете поискать в административной зоне, — говорит она и нагло добавляет: — Лучше вам заранее придумать, какие аргументы будете использовать.

Ха! Она меня за новичка приняла.

— Не переживай, красотуля, я с ним не первый день знаком, уж побольше твоего знаю, — скалюсь я в усмешке. — Ну, ещё увидимся, если ты останешься тут работать с такой-то нерасторопностью. — Я бросаю красноречивый взгляд на ее кофе и иду в сторону катка.

Девчонка типа умная, но я-то лучше знаю: Воронцов сейчас на тренировке ребят, с которыми работают другие тренера. Он любит за всем проследить, выискать талант или талантище. Оборачиваюсь, вижу, что девчонка все еще стоит посреди коридора, подмигиваю ей и ухожу. А потом меня осеняет, что уже сталкивался с ней раньше. Это же Лена Аранская, дочка еще одного толстосума, который спонсирует «Лёд и пламя».

Воронцов как раз заканчивает тренировку с малышней лет четырнадцати. Вообще-то, за глаза мы, бывшие ученики школы «Лед и пламя», зовем его просто — Борисыч.

— Назар, — пожимает он мне руку.

— Виктор Борисович, — отвечаю я на приветствие. — Ну как, есть тут новые звезды?

Тренер переводит взгляд на лёд и говорит:

— Есть неплохие ребята.

— Незаменимых не бывает, — усмехаюсь я.

Борисыч переводит взгляд на меня и всматривается так, будто хочет понять, что творится у меня в голове. Думаю, он и так все прекрасно понимает.

— Твой отец ко мне приезжал, — говорит вдруг он.

— И что хотел? — Я чувствую, что ответ мне не понравится, и не ошибаюсь.

— Просил, чтобы убедил тебя заканчивать с хоккеем.

— Даже так. — Меня начинает трясти от отвращения.

— Сказал, что ты обязательно придёшь за советом и что мне нужно дать тебе понять: не одним хоккеем люди живут.

— И зачем вы все это мне говорите? — смотрю я на него.

— Говорю, потому что знаю тебя лучше твоего отца и твоей матери, парень. И знаю, что для тебя значит лёд.

Мы долго молчим, а потом он добавляет:

— Твоему отцу я сказал, что обманывать тебя не буду. Посмотрю, что ты можешь после травмы и такого перерыва, и вынесу честный вердикт.

— А он?

— Злой ушёл, — усмехается Борисыч. — Я тебе так скажу, Назар. Если ты не перегорел, то никого не слушай! Работай, над собой работой, трудись. Ты всегда это умел. Только поубавь амбиций. Сам понимаешь, что после первой же тренировки никто не начнёт отрывать тебя с руками.

— Мне бы для начала научиться по новой на коньках стоять.

— Научишься. Давай так. Иди на контрольное обследование, пусть врач даёт добро на начало тренировок. Приезжай сюда, ко мне, посмотрим, что да как. Ну а дальше, если все пойдёт хорошо, будем искать тебе клуб.

Мы ещё долго обсуждали мою травму и расторгнутый по обоюдному согласию контракт. Баев, тренер, тогда посчитал, что я не оправлюсь после полученных травм, и решил, что будет лучше отпустить меня в свободное плавание, а я был не в том состоянии, чтобы вцепиться в тот договор зубами. Спонтанные решения вместе с депрессией — не лучший способ строить спортивную карьеру. Я это понимаю теперь, но все равно бешусь. Знаю, что если, вернее, когда вернусь в спорт, к Баеву больше не пойду: слишком легко он списал меня со счетов.

Распрощавшись с Воронцовым, я еду домой. Наверное, надо заехать за продуктами: не напрашиваться же опять к Белке, мы вроде как поругались в очередной раз. А к маме я больше ни ногой. От этих визитов только хуже становится. Меня в очередной раз неприятно поразил отец. Он вроде бы всегда мечтал, чтобы я стал знаменитым, как Харламов, верил в мой талант,

а тут вдруг просит Борисыча сказать мне, что все со мной кончено.С чего бы это? Ему так нужен новый менеджер в моем лице? Не боится, что я развалю его бизнес к чертям?

Задумавшись, я заруливаю во двор и чуть не наезжаю на двух цыпочек, которые идут прямо посреди проезжей части.

— Идиотки тупые! — ругаюсь я. — Жить надоело?

В одной из них я узнаю Белку, которая тут же показывает мне средний палец. Рядом с ней идёт длинноногая красотка. Блондиночка. Ничего себе у Белки подружки! Я был уверен, что она дружит с такими же заучками, как и она сама. Вспоминаю её историю, аварию, травмы. Да уж, девчонка многое пережила и не сломалась. Верит, что все у неё получится, хоть все вокруг и твердят, что ни черта у неё не выйдет! В этом мы с Белкой похожи: каждый получил по носу. Только в отличие от меня она не злится на весь белый свет. Разве что на меня злится. Да и пускай! Тоже мне! Белка!

Глава 14

Юля

Я чувствую себя Золушкой, явившейся на бал. Только у Золушки платье было подлиннее и каблуки пониже. Сдав пальто в раздевалку и подвергнувшись облапыванию под названием «фэйс-контроль», я одергиваю платьишко кидаю несчастный взгляд на свое отражение в зеркале. Алина заставила купить меня это секси-шмекси платье, и оно и правда ничего: цвета фуксии, в обтяг, но ткань струящаяся, легкая, собрана складками так, что зрительно моя талия кажется тоньше, а бедра — более округлыми. Шпильки добавляют моему росточку десяток лишних сантиметров. Как я на этом буду танцевать — не представляю.

Выдохнув, захожу в основной зал, где громыхает музыка. Вижу лестницу на площадку второго этажа и спешу по ней: Алина сказала, что вип-зона со столиками там. Клубешник вроде крутой. Народу не так чтобы много, но прилично. Все сделано кричаще-стильно. Бр-р-р. Это все не для меня. Радует одно: девчонки вокруг в платьях и юбчонках на порядок вульгарнее моего. Через пять минут я уже радуюсь, что позволила сестре уговорить себя надеть именно такое платье, а не то черное, с закрытом верхом и юбкой-клёш. В нем бы я была похожа на девочку-припевочку и выглядела бы как белая ворона.

— С днем варенья! — перекрикивая музыку, ору я и вручаю Алине букет цветов и подарок в красивой коробочке.

— Рада, что ты не передумала в последний момент и пришла! — смеется она и начинает знакомить меня с теми из ее друзей, кто уже пришел.

Через час я забываю о том, что не люблю клубы и не умею танцевать, и вместе с Алиной и остальными устремляюсь на танцпол. Музыка оглушает битами, тело само начинает двигаться в такт. Я даже закрываю глаза, отдаваясь мелодии, которая проникает в каждую клеточку тела. Музыка вокруг! Музыка во мне! Я и есть музыка! Музыка и танец!

— Офигеть! — слышу я над ухом знакомый чуть хриплый голос.

Распахиваю глаза и вижу своего невыносимого соседа.

— Господи! А ты-то что тут делаешь? — удивленно спрашиваю я.

— Отрываюсь, как и все, — пожимает он плечами.

— Тебе можно танцевать? — снова не сдерживаюсь я и вижу, как Назар морщится.

— Юля, познакомишь со своим другом? — подлетает к нам Алина.

Она широко улыбается и призывно поправляет платье на груди так, что Назар тут же опускает в вырез взгляд. Сестра не ждет, пока я их представлю, и начинает что-то шептать на ухо Назару. Он кладет руку ей на талию и наклоняется поближе к Алине. Мне вдруг становится скучно и танцевать уже совсем не хочется…

— Я пойду промочу горло, — кричу я Алине, но ни она, ни Назар не обращают на меня внимания.

Ну и пожалуйста! Я поднимаюсь на площадку, к нашему столику. Здесь никого нет — все ушли танцевать. Посередине стоит разрезанный торт, на котором Алина успела задуть свечи. Но никто к торту так и не прикоснулся. Всем не до этого. Выбираю себе кусочек побольше и начинаю лопать. Покончив с тортом, я подхожу к парапету и смотрю вниз на танцпол. Как раз начинает звучать медленная музыка, и парочки буквально прилипают друг к другу. Глаз тут же выхватывает Алину и Назара. Нет, они не танцуют. Видимо, ему еще трудно даются танцы, а может, он из тех, кто на вечеринках предпочитает сидеть и напиваться. Он и сейчас сидит на кожаном ярко-малиновом диване, а Алина прижимается к нему, закинув длинную ногу на бедро Назара. Я вижу, как она проводит пальчиком по его небритой щеке, и Назар, никого

не стесняясь, впивается в ее губы. Мне становится противно. Не знаю, что меня злит больше: собственное проснувшееся неравнодушие к Назару или поведение Алины, которой оказалось наплевать на мои чувства. Хотя какие чувства? Я же сама ее уверяла, что он не в моем вкусе. Вот же блин!

— Скучаешь?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь.

Рядом стоит красивый высоченный шкафообразный парень. И до меня сразу доходит — хоккеист.

— Пойдем потанцуем? — расплывается он в улыбке, которая мне совершенно не нравится, но соглашаюсь.

— Почему бы и нет?

Мы спускаемся на танцпол, и громила прижимает меня к себе. Я бы сказала — вжимает в себя. Его рука уверенно ложится мне чуть ниже талии, и он шепчет мне на ухо:

— Обожаю таких маленьких крошек и знаю, что вы, крошки, обожаете таких гигантов, как я.

— Ты хоккеист? — спрашиваю я.

— Ага. Как догадалась? — смеется он.

— Вы все одинаково большие и одинаково самоуверенные, — фыркаю я.

— И много ты хоккеистов знаешь? — улыбается он.

— Назара Елизарова знаю, — киваю я в сторону столика, где Алина уже чуть ли не верхом залезла на Назара.

— Еще одна фанатка Назара?

— Скорее уж наоборот! — передергиваю я плечами.

— Вот и отлично! — говорит радостно громила и целует меня.

Я пытаюсь отстраниться, но его лапища ложится мне на шею сзади, лишая возможности сбежать. А потом я думаю: почему нет? Назару с Алиной можно, а чем я хуже?

Поцелуй становится настырнее, а руки парня более развязными. Блин, мне это не нравится. Я все-таки пытаюсь оттолкнуть его, но ничего не получается.

А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.